

УДК 343.9.01

Феномен преступности: историко-теоретические и антропологические аспекты изучения

Виталий Витальевич Балахонский

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

Balakhonsky@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3098-2802

Аннотация

В статье исследуются методологические, историко-теоретические и антропологические аспекты научного осмысления преступности как социального явления. **Введение.** Актуальность темы проводимого исследования определяется ее значимостью для обеспечения правопорядка в обществе, организации борьбы с преступностью и минимизации сферы ее проявления. В современной научной литературе недостаточно работ, посвященных изучению теоретических проблем понимания сущности правовой девиантности, что существенно ограничивает возможности правоприменения. Объектом исследования данной статьи выступает социальный феномен преступности. Предметом изучения являются антропологические причины, порождающие преступность. Цель статьи – выяснить природу и сущность антропологической детерминации противоправных девиаций. Реализация этой цели предполагает решение следующих познавательных задач: проанализировать и обобщить историко-теоретические, социологические, криминологические и психологические подходы к раскрытию сущности преступности, предпринятые в научной литературе; выяснить роль биологических и психологических особенностей природы человека в генезисе и воспроизводстве преступных деяний; рассмотреть возможности методологического применения принципа вариативности для изучения особенностей субъектов противоправных действий; раскрыть диалектическую взаимосвязь между детерминацией феномена преступности и формами его проявления как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. **Методы.** Исследование строится на основе конкретизации эвристических возможностей диалектического, феноменологического, системного, исторического и логического методов применительно к специфике изучения правовых девиаций. **Результаты.** В статье обосновывается необходимость выделения двух уровней психологической вариативности субъекта противоправных действий: индивидуальный и массовый. На индивидуальном уровне важным фактором детерминации правовых девиаций выступают конкретные личностно-психологические характеристики их субъекта – индивида. Для выяснения особенностей массового уровня психологической вариативности субъекта противоправных действий требуется большая конкретизация оснований построения их типологии. Учет массовой типологии в процессе определения психологической вариативности субъекта противоправных действий позволяет раскрывать мотивационную связь между поведением правонарушителей и сложившейся в определенном сообществе психологической ориентации на восприятие социальной действительности. Теоретическое значение такого подхода позволяет избежать упрощения и односторонности в понимании сущности и конкретных форм проявления феномена преступления, практическое значение – в возможности его методологического использования в процессе организации правоохранительной деятельности.

Ключевые слова

преступление, антропология, девиация, социум, детерминация, психологическая типизация, этно-психологические особенности

Для цитирования: Балахонский, В. В. (2026). Феномен преступности: историко-теоретические и антропологические аспекты изучения. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 212–225.

Original paper

The phenomenon of crime: historical, theoretical and anthropological aspects

Vitaly V. Balakhonsky

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

Balakhonsky@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3098-2802

Abstract

The article examines the methodological, historical-theoretical and anthropological aspects of the academic analysis of crime as a social phenomenon. **Introduction.** The relevance of the topic under consideration is determined by its significance for maintaining law and order in society, organising the fight against crime, and minimising the scope of its occurrence. Contemporary academic literature lacks sufficient works devoted to the study of theoretical issues concerning the nature of legal deviance, which significantly limits the possibilities for law enforcement. The research object is the social phenomenon of crime. The subject of the study is the anthropological causes that give rise to crime. The article aims to elucidate the nature and essence of the anthropological determinants of unlawful deviance. Achieving this aim involves addressing the following research objectives: to analyse and summarise the historical-theoretical, sociological, criminological and psychological approaches to understanding the nature of crime as presented in the academic literature; to elucidate the role of biological and psychological characteristics of human nature in the genesis and reproduction of criminal acts; to examine the possibilities for the methodological application of the principle of variability in studying the characteristics of perpetrators of unlawful acts; to reveal the dialectical interrelationship between the determinants of the phenomenon of crime and the forms in which it manifests itself at both the individual and societal levels. **Methods.** This study is based on a detailed examination of the heuristic potential of dialectical, phenomenological, systems-based, historical and logical methods as applied to the specific nature of the study of legal deviations. **Results.** The article sets out the case for distinguishing between two levels of psychological variability in individuals who commit unlawful acts: the individual level and the mass level. At the individual level, specific personality and psychological characteristics of the perpetrator – the individual – are key determinants of legal deviance. To elucidate the characteristics of the mass level of psychological variability in perpetrators of unlawful acts, a more detailed specification of the basis for constructing their typology is required. Taking mass typology into account when determining the psychological variability of the perpetrator of unlawful acts makes it possible to reveal the motivational link between the behavior of offenders and the psychological orientation towards the perception of social reality that has developed within a particular community. The theoretical significance of this approach lies in its ability to avoid oversimplification and one-sidedness in understanding the nature and specific manifestations of the phenomenon of crime, whilst its practical significance lies in the possibility of its methodological application in the organisation of law enforcement activities.

Keywords

crime, anthropology, deviance, society, determination, psychological typology, ethno-psychological characteristics

For citation: Balakhonsky, V. V. (2026). The phenomenon of crime: historical, theoretical and anthropological aspects. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 212–225.

Введение

Борьба с преступностью является актуальной задачей любого общества, поэтому она постоянно находится в центре внимания наук соответствующего профиля¹ (Антонян, 2022; Дриль, 2022; Балахонский и др., 2018; Balakhonsky, 2020). История изучения преступности уходит своими корнями в древние времена. Уже в древних государствах, таких как Древний Египет, Вавилон, Древняя Греция и Рим, существовали законы и системы наказаний за совершение преступлений².

Попытки понять, что движет преступником, каковы мотивы совершения правонарушений, предпринимались в истории человечества в течение многих веков, но на научный уровень осмысления они вышли лишь в XVIII в. Значимым этапом в развитии изучения преступности стало появление криминалистики как научной дисциплины. В XIX в. французский лекарь Альфонсо Бертильон разработал систему идентификации преступников по их антропометрическим данным, что стало важным шагом в области криминалистики. Вторым существенным шагом стало создание лабораторий судебной медицины и криминалистики, в которых проводились научные исследования и экспертизы по уголовным делам. Основоположником криминалистики как науки признается венский врач-патологоанатом Ханс Гросс, который создал первый учебник по криминалистике в 1893 г.

С развитием общества и технологий изучение преступности стало более глубоким и многогранным. Современная криминология включает в себя такие аспекты, как социология преступности, психология преступных личностей, криминальная статистика, криминальная политика и многие другие направления.

Одним из первых ученых, сосредоточивших свое внимание на изучении феномена преступности, был французский философ и юрист Чезаре Беккария, который в своей работе «О преступлениях и наказаниях» (Беккария, 2016) рассматривает преступность как социальное явление, неотделимое от любого общества. Многие его идеи имеют большое методологическое значение и не утратили своей актуальности и поныне. Их вполне можно рассматривать в качестве начала применения научного подхода к изучению преступности.

В последующее столетие этот подход получил всестороннее развитие, при этом четко проявился новый аспект выяснения причин преступности, связанный с раскрытием ее природных, генетических детерминант. Наибольшую известность в этом плане получили работы итальянского философа, психиатра и профессора судебной медицины Чезаре Ломброзо (Ломброзо, 2023), обосновывавшего понимание преступности как результата действия природных законов, а не случайного явления. В своих работах Ч. Ломброзо заложил основы нового научного направления, изучающего преступность и ее причины – криминологии, и положил начало острой дискуссии современной криминологии – о приоритете биологических или социальных факторов в детерминации противоправных действий.

¹ Варыгин, А. Н., Громов, В. Г., & Шляпникова, О. В. (2023). *Криминология и предупреждение преступлений: Учебное пособие для СПО* (2-е изд.). Юрайт. <https://urait.ru/bcode/517239>

² Афанасьева, О. Р., Гончарова, М. В., & Шиян, В. И. (2023). *Криминология и предупреждение преступлений: Учебник и практикум* (2-е изд., пер. и доп.). Юрайт.

В современной науке изучение причин преступности и возможностей борьбы с ней привлекает внимание ученых всего мира, для решения этой задачи объединяются усилия криминологов, социологов, философов права, теоретиков и историков права, психологов и антропологов (Кондратюк, 2001; Кузин, 2020; Balakhonskaya, 2022; Sutherland & Cressey, 1960).

В ряду интересных и научно-содержательных исследований, посвященных изучению преступности, можно выделить несколько концептуальных подходов, получивших наибольшую научную известность.

Одним из них является теория аномии социолога Роберта Мертон. В основе ее концепции лежит утверждение, что преступность возникает из-за несоответствия между общественными целями и средствами их достижения. Люди, которые не могут достичь общепринятых целей легальными путями, могут обращаться к преступности (Мертон, 2006).

Внимание многих криминологов и социологов привлекла теория социального контроля Трэвиса Хирши. В соответствии с ней уровень преступности непосредственно коррелируется с уровнем социального контроля, который осуществляется обществом над индивидом. Ослабление социального контроля может стимулировать противоправные деяния (Hirschi, 2002).

Новый подход к пониманию сущности и причин преступности предложил французский социолог Эмиль Дюркгейм, который в своей теории маргинализации рассматривает преступность как результат отчуждения и социальной изоляции индивида от общества. Он поясняет, что люди, чувствующие себя маргинализированными, могут обращаться к преступности как способу установить свою идентичность (Дюркгейм, 1995).

Несомненный научный интерес представляет также позиция американского социолога и криминолога Эдвина Сатерленда, предложившего трактовать преступление не с криминологической, а с чисто социологической позиции – как «симптом социальной дезорганизации», а процесс воспроизводства преступности – как результат социализации индивида в криминальных микрогруппах общества. Чем больше индивид подвергается негативным влияниям и ассоциациям с преступными элементами, тем более вероятно, что он сам станет преступником (Sutherland & Cressey, 1960).

Данные концепции и научные работы этого профиля других авторов вносят большой вклад в научное осмысление феномена преступности и помогают выяснить, какие меры можно принять для ее минимизации.

Борьба с преступностью не может быть эффективной без ясного научного понимания сущности данного социального феномена, форм и видов его проявления и причин возникновения и воспроизводства в обществе. Это определяет особую актуальность данной тематики в комплексном, междисциплинарном подходе к ее изучению, объединяющем познавательные усилия криминологии, социологии, психологии, философии и теории права (Пристенский, 2006).

Объектом исследования данной статьи выступает социальный феномен преступности.

Предметом изучения являются антропологические причины, порождающие преступность.

Цель статьи – выяснить природу и сущность антропологической детерминации противоправных девиаций.

Реализация этой цели предполагает решение следующих познавательных задач:

- 1) проанализировать и обобщить историко-теоретические, социологические, криминологические и психологические подходы к раскрытию сущности преступности, предпринятые в научной литературе;
- 2) выяснить роль биологических и психологических особенностей природы человека в генезисе и воспроизводстве преступных деяний;
- 3) рассмотреть возможности методологического применения принципа вариативности для изучения особенностей субъектов противоправных действий;

4) раскрыть диалектическую взаимосвязь между детерминацией феномена преступности и формами его проявления как на индивидуальном, так и на общественном уровнях.

Методы

Для решения заявленных задач данной статьи представляется необходимым использовать следующие основополагающие методы научного исследования:

1) диалектический метод, направленный на выяснение причин возникновения и воспроизводства преступности в обществе, выявление существенных и необходимых оснований ее функционирования, определение важных тенденций ее изменения и эволюции;

2) системный метод, позволяющий подойти к изучению преступности с позиции взаимосвязи составляющих ее элементов и рассмотреть данный социальный феномен в качестве элемента более широкой системы, какой в данном случае выступает само общество;

3) феноменологический метод, дающий возможность описания и обобщения опыта восприятия преступности в научном сознании.

Любое научное исследование невозможно без привлечения общенаучной методологии, представленной такими методами, как анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и моделирование.

В проводимом нами исследовании эти методы будут выполнять следующие познавательные задачи:

- теоретический анализ и синтез направлен на изучение историко-теоретических аспектов феномена преступности, которые призваны не только выделить ее важные элементы и формы репрезентации в научной литературе, но и обобщить данные исследуемых источников;

- индукция позволит осуществить эвристическое восхождение от конкретики проявления преступности к выяснению его общих характеристик, а дедукция даст возможность выяснить место данного явления в структуре социума;

- метод абстрагирования выступает основой формирования понятийно-терминологического аппарата статьи (абстракция отождествления) и выделения в качестве объектов изучения атрибутивных характеристик феномена преступности (изолирующая абстракция);

- метод логического моделирования представляет собой основу формирования теоретических представлений о сущности преступности.

Как и в любом научно-теоретическом исследовании, методологическую основу статьи составляет единство исторического и логического эвристических подходов: исторический подход позволяет исследовать объект в его эволюции и развитии, а логический подход определяет возможность выявления общих закономерностей социальной репрезентации феномена преступности.

Результаты

Феномен преступности представляет собой социальное явление, включающее в себя многообразные виды правонарушений, охватывающих убийства, кражи, хулиганство, мошенничество, насилие и т. п. Сущность феномена преступности состоит в общественно опасном нарушении правовых норм, осуществляемых индивидами (вне зависимости от их пола, возраста, национальности, вероисповедания и политической ориентации), их группами и объединениями, этническими общностями, государствами.

В научной литературе нет расхождения во мнениях относительно таких субъектов преступности, как индивиды, их объединения, преступное сообщество в целом (Решетников, 1965; Никодимов & Бурмистров, 2024). Относительно этнических общностей, народов, государств подобное единство понимания отсутствует.

Основными причинами этого являются неоднородность и доходящие до противоположности различия мировоззренческих, политических, культурно-правовых и антропологических характеристик субъектов, выступающих элементами подобных сложнейших социальных образований.

Можно ли выделить обобщенную характеристику социальных феноменов, включающих в себя элементы, диаметрально противоположные по своим ментальным, психологическим и поведенческим основам? Может ли народ или все государство отвечать за коллективно совершенные деяния?

Общепринятого мнения по этому поводу нет. Самые многообразные позиции в этом споре представляется возможным объединить в две различные тенденции.

Первая тенденция характерна для общей социокультурной парадигмы российской цивилизации, исходящей из особой значимости каждого народа в человеческой истории и проводящей четкую дифференциацию между народом и его правительством. В соответствии с подобными установками народ не отвечает за действия своего государства, а государства несут за его представителей непосредственную ответственность.

Вторая тенденция сложилась в западной мировоззренческой парадигме и строилась на основе равной ответственности народа и правительства за проводимую государственную политику. Исходя из подобной установки во время войн, проводимых западными странами, использовалась практика массового уничтожения населения страны противника (ковровые бомбардировки городов во время Второй мировой войны, сжигание США напалмом населенных пунктов во время войны во Вьетнаме, планирование руководством современной Украины, переориентировавшейся на западные аксиологические стандарты, уничтожать по 50 тысяч русских в день, и т. д.).

Разрешение противоречия двух указанных тенденций возможно путем реализации антропологического подхода к исследованию, предполагающего выяснение антропологических основ феномена преступности, связанных с психологией человека, социокультурной средой его социализации и деятельности, особенностями человека как социального существа (Латыпова и др., 2024; Молчанова и др., 2022). Важным принципом антропологического подхода к пониманию человека выступает, таким образом, рассмотрение преступности как результата взаимодействия всех факторов, определяющих его мировосприятие и деятельность.

Ведущую роль в генезисе и воспроизводстве преступных деяний играют биологические и психологические особенности природы человека. Современные исследования в области юридической психологии (Пегги & Селин, 2025; Пономарев, 2022) позволяют утверждать, что генетическая наследственность, тип и особенности характера, специфика мировосприятия, химический дисбаланс в мозге способны продуцировать агрессивное поведение, ведущее к нарушению норм права и представляющее определенную опасность для окружающих и общества в целом.

Исследование антропологических аспектов феномена преступности сталкивается с рядом проблем, связанных с недостаточной разработанностью в современной науке вариативной типологии психических качеств субъекта противоправных деяний. Действительно, форма и степень общественной опасности правонарушений и преступлений непосредственно связана с психологическими особенностями их субъекта, с типом его мировосприятия.

В этом плане можно выделить два уровня психологической вариативности субъекта противоправных действий: индивидуальный и массовый.

На индивидуальном уровне важным фактором детерминации правовых девиаций выступают конкретные личностно-психологические характеристики их субъекта – индивида. Выяснение таких характеристик правонарушителя, как жадный или щедрый, умный или глупый,

простой (бесхитростный) или хитрый, добрый или злой, рациональный или эмоциональный и т. п., позволяет не только определить некоторые антропологические факторы мотивации противоправных действий, но и понять особенности форм девиации на индивидуальном уровне.

Однако такие качественно обобщенные характеристики личности способны осуществить лишь первоначальный подход к выяснению специфики правовой девиации на индивидуальном уровне и в конкретике сложившейся ситуации. Следующим шагом в выяснении антропологических аспектов феномена преступности должен быть выход на новый, массовый уровень обобщения, связанный с учетом социально-психологической типизации коллективного субъекта правонарушения.

В отечественной научной литературе представлено не так много попыток выявить принципы подобной типизации. Характерным примером обобщенного подхода к этому вопросу можно считать монографию Б. Н. Миронова «Историк и социология», в которой автор предлагает дифференцировать мировосприятие человека на три типа: мифологическое, традиционное и рациональное, что позволяет ему выделить ряд важных психологических особенностей, характерных для каждого из этих типов (Миронов, 1984). Подобный подход представляет определенный методологический интерес, поскольку отражает соответствующие антропологические реалии, но его эвристическая эффективность недостаточно высока в силу тривиальности его оснований.

Для выяснения особенностей массового уровня психологической вариативности субъекта противоправных действий требуется большая конкретизация оснований построения их типологии. Интересное и недостаточно оцененное в современном научном сознании основание психологической типизации предложил Л. Н. Гумилев, который в подобном качестве рассматривал восприятие людьми социального времени. В соответствии с его классификацией существуют три типа ощущения людьми времени, что и определяет конкретные формы их поведения. Л. Н. Гумилев выделяет три основные формы поведения людей.

Первую форму он называет «пассеизм». Человек, ее представляющий, чувствует себя продолжателем дела своих предшественников, которое он в меру своих сил и способностей развивает. Действия и поведение подобных людей отличается целеустремленностью, стремлением преодолеть все трудности и преграды, стоящие на их пути.

Вторая форма – «актуализм». Для ее представителей характерно стремление жить сегодняшним днем, без оглядки на прошлое или будущее, их не сдерживает в своих действиях, в том числе противоправных, ни сила социокультурных традиций, выработанных в социуме, ни страх будущих наказаний.

Третья форма – «футуризм». Люди подобного склада игнорируют не только прошлое, но и настоящее ради будущего. Яркими представителями такого психологического типа в преступном сообществе являются террористы, готовые пожертвовать собственной жизнью ради достижения политических целей в будущем (Гумилев, 2021).

Учет массовой типологии в процессе определения психологической вариативности субъекта противоправных действий позволяет раскрыть мотивационную связь между поведением правонарушителей и сложившейся в определенном сообществе психологической ориентации на восприятие социальной действительности. Впрочем, следует отметить, что подобные выводы могут быть сформулированы лишь при интерпретации взглядов Л. Н. Гумилева, делающей главный упор именно на психологической вариативности мотивации субъектов противоправных действий, в то время как у автора основными доминантами социальных действий выступают факторы биосферы. К недостаткам рассматриваемой типологии можно отнести слабое раскрытие самих психологических характеристик форм поведения.

Иной подход к изучению психологической вариативности субъекта противоправных действий можно найти в публикациях А. Шубина, в основе которого лежит дифференциация чисто психологических особенностей и установок индивида, детерминирующая в своих основах отношение человека к правовой реальности. В концепции А. Шубина выделяются следующие социально-психологические типы, имеющие отношение к правовой девиантности:

1) «анархист», для которого характерно стремление не принимать систему государственной власти и стараться не иметь с ней дела, жить по своим законам, игнорируя законы, навязываемые обществом;

2) «фашист», отличающийся агрессивностью, стремлением постоянно продуцировать силовую или психологическую экспансию против других. Для него характерна неразборчивость в формах правовых девиаций и вера в то, что он выше других, и потому ему многое дозволено в отношении низших;

3) «патерналист», привыкший подчиняться старшим в иерархии сообщества, к которому он принадлежит, и одновременно покровительствовать младшим;

4) «либерал», способный постоять сам за себя, прекрасно знающий свои права и большой мастер их отстаивать в противоположность общественным интересам;

5) «прагматик», которому свойственно принятие решений, выгодных сию минуту, что представляет собой полное вытеснение стратегии тактикой регуляции собственного поведения (Шубин, 1992).

Автор допускает, что в одном человеке могут соединяться несколько указанных типов.

Общим для всех указанных типологий является их разработка на основе принципа вариативности, который требует четкого разграничения в рамках единой классификации различных вариантов поведения субъекта в зависимости от его психологических особенностей и установок на отношение к правопорядку. Подобный эвристический принцип представляется методологически перспективным для исследования антропологических аспектов феномена преступности.

Преступность может быть как следствием индивидуальных характеристик человека, так и результатом влияния различных внешних социальных факторов, таких как особенности социализации личности, стечение жизненных обстоятельств, социокультурная специфика сложившейся исторической ситуации.

Антропологический подход к изучению феномена преступности для своей методологической завершенности нуждается в привлечении к процессу исследования закономерностей этнопсихологической типизации субъектов противоправного действия. Необходимость этого обосновывал еще Г. Лебон, который писал: «Без предварительного знания душевного склада народа история его кажется каким-то хаосом событий, управляемых одной случайностью. Напротив, когда душа народа нам известна, то жизнь его представляется правильным и фатальным следствием из его психологических черт» (Лебон, 2025).

Необходимость учета факторов этнопсихологической типизации актуализировалась в условиях современности вследствие резкого увеличения миграционной преступности. Вместе с тем следует констатировать, что данный вопрос до сих пор не получил серьезного научного осмысления, и изучение психологической специфики, характерной для людей тех или иных национальностей, проходит по периферии современных научных исследований. Научное изучение этого вопроса сталкивается с серьезными политическими, идеологическими, религиозными, нравственными и чисто научными трудностями, среди которых следует выделить сложность предмета и неразработанность методологии исследования. Несмотря на это, интерес к данной проблеме проявился давно.

Конкретизацию подобного интереса мы можем обнаружить уже в работах Н. И. Костомарова, который пытался выделить особенности русского национального характера и пришел к выводу, что его главной чертой выступает соединение крайностей – «простоты и первобытной свежести народа» с «азиатской изнеженностью и византийской расслабленностью» (Костомаров, 2011). Конечно, подобную попытку нельзя считать удачной, слишком абстрактной выступает выделенная автором особенность, но сама попытка заслуживает внимания и интереса.

Стремление Н. И. Костомарова обнаружить в истории специфику этнопсихологической типизации продолжил в философии Н. А. Бердяев, который также предложил характеризовать особенности психотипа русского народа через его противоречия. В его интерпретации определяющими выступают такие черты русского национального характера, как уважение государственности и анархизм, деспотизм и свободолюбие, национализм и всечеловечность, жестокость и болезненная сострадательность и т. п. (Бердяев, 2021).

Этот методологический подход впоследствии получит культурологическую интерпретацию в работах Д. С. Лихачева, который писал: «Черт русского национального характера очень много. Существование их непросто доказать. Особенно если каждой черте противостоят как некие противовесы и другие черты: щедрости – скупость (чаще всего неоправданная), доброте – злость (опять-таки неоправданная), любви к свободе – стремление к деспотизму и т. д.» (Лихачев, 1990).

Несмотря на диалектическую привлекательность данного подхода, он представляется методологически неперспективным, поскольку подобную противоречивость легко можно обнаружить в поведении любого народа (Vykov et al., 2018). Национализм и космополитизм, доброта и жестокость, свободолюбие и покорность являются мотивами действий представителей всех наций и народностей мирового человеческого сообщества.

Гораздо больший методологический интерес представляет предложенный В. А. Артамоновым концептуальный подход к выявлению специфики национального характера, состоящий в «культурологическом обобщении данных, полученных в результате анализа следующих источников: языка, мифологии, героев, идеалов, ценностных ориентаций, трудовых навыков, фольклора, национального искусства, наблюдения за поведением воинских соединений, толпы, отдельных лиц в экстремальных ситуациях и в аффекте (в том числе в состоянии опьянения), предрассудков, стереотипов поведения, а также опросов и тестов» (Артамонов, 1990).

В результате применения такой методологии автор выделяет следующие черты национального характера русского народа, определяющие его специфику: долготерпение, национальную терпимость, общительность, покаянность, пассивность-исполнительность, широту души, халатность-беспечность, доверчивость, максимализм, патриотизм (Артамонов, 1990).

Мы не будем оценивать адекватность перечисленных качеств социально-психологическим реалиям, важно отметить лишь саму методологическую возможность проведения научного поиска в данном направлении.

Следует констатировать, что в каждом этносе изначально генетически заложен весь возможный спектр психологических черт характера, но специфика условий конкретно-исторического бытия каждого народа продуцирует актуализацию отдельных психологических особенностей, которые в дальнейшем закрепляются в наследственно-генетических формах воспроизводства в последующих поколениях, актуализированных обстоятельствами жизни этноса черт его этнопсихологической специфики. Генезис этнопсихологических особенностей закрепляется в дальнейшем социальными факторами, действие которых выражается в формировании наиболее благоприятных условий для существования в этносе людей определенных психологических типов, что ведет к постепенному увеличению их количества и позволяет

на этом основании говорить об определенном психологическом эталоне, характерном для представителей того или иного народа или отдельных социальных слоев в рамках того или иного народа.

Методологическое признание принципиальной возможности выяснения этнопсихологической специфики открывает новые перспективы для изучения антропологических аспектов исследования феномена этнической преступности.

Предпринятый нами экскурс в область этнической психологии свидетельствует о целесообразности и эвристической перспективности включения в антропологический аспект изучения феномена преступности социально-культурной специфики жизни этноса, оказывающей детерминирующее влияние на поведение индивида в социуме, особенностей его мировосприятия, типичных психологических реакций на действия окружающих в складывающейся жизненной ситуации. Нарушение социокультурных норм, традиций и правил способно продуцировать совершение преступлений.

На основании этого возможно сделать вывод о том, что исследование антропологических основ преступности требует реализации широкого междисциплинарного подхода, интегрирующего в себе комплексные методы биологических, психологических, исторических, социальных и юридических наук, комплексно тематизирующих проводимое исследование и в своем единстве позволяющих не только выяснить причины преступности, но и разработать эффективные стратегии ее предупреждения и борьбы с ней.

Можно отметить определенную диалектическую взаимосвязь между детерминацией феномена преступности и формами его проявления как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Конкретизацией таких взаимосвязей выступают следующие статистические закономерности:

- 1) индивидуальные преступные девиации могут иметь как природно-антропологические, так и социальные детерминанты;
- 2) единство природно-антропологических и общественных детерминант является атрибутом правовых девиаций социальных субъектов на всех уровнях их социальной иерархии (включая само государство как аппарат управления обществом);
- 3) действенность природно-антропологических и социальных детерминант на уровне общества реализуется через особенности менталитета и общественной психологии этноса, идеологию общества и социокультурную специфику сложившейся исторической ситуации;
- 4) индивидуальный уровень правовых девиаций обуславливает существование феномена преступности на уровне общества; в свою очередь, правовые девиации на уровне общества и государства находят отражение в индивидуальных правонарушениях.

Сформулированная диалектическая взаимосвязь между детерминацией феномена преступности и формами его проявления как на индивидуальном, так и на общественном уровне позволяет лучше понять механизмы воспроизводства подобного социального явления, следовательно, найти те методы и средства, которые могут позволить снизить и минимизировать уровень преступности в обществе.

Безусловно, нельзя отрицать ответственности народа за действия государства (так, фашизм пришел к власти в Германии путем демократических выборов, за него проголосовал немецкий народ, который впоследствии в своей массе поддерживал преступную политику фашистского режима). Однако эта ответственность не может быть одинаковой. Правовая оценка соответствующих деяний предполагает учет степени и конкретных форм участия субъектов в рассматриваемых действиях. В любом случае данную проблему еще только предстоит изучить в последующих исследованиях в области социальных наук.

Возникают вопросы: как может реализовываться ответственность государства в сфере права? В нарушении каких правовых норм можно обвинять государство?

Преступление, субъектом которого выступает само государство, как правило, получает достаточную легальность и легитимацию во внутреннем законодательстве, что исключает возможность нарушения его правовых норм. В этом случае речь может идти лишь о нарушении норм международного права, которое формируется через межгосударственные договоры и соглашения.

В исторической ситуации первой четверти XXI в. правовая сила межгосударственных договоров и соглашений была минимизирована политикой западных стран, которые пошли на подмену правового статуса подобных документов на статус правил.

Основные различия между правом и правилами состоят в следующем:

1) право имеет юридическую силу, правила подобной силы не имеют, они могут иметь лишь рекомендательный характер и устанавливаться различными социальными субъектами, в том числе государствами, по отношению к другим государствам;

2) соблюдение норм права обязательно для всех (в равной мере и для тех, кто эти нормы разработал и принял), правила не предполагают подобной обязательности и всеобщности в регуляции деятельности, они могут адресоваться другим и не распространяться на собственных создателей;

3) правовые нормы обладают стабильностью в течение определенного временного периода, правила могут меняться очень быстро;

4) правовые нормы носят эксплицитно выраженный, документально оформленный характер, правила могут формироваться стихийно, выражаться имплицитно и не иметь документальной фиксации;

5) правовые нормы действуют на всем правовом поле деятельности общества, правила регулируют лишь отдельные формы социальной деятельности.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что антропологический аспект социального феномена преступности отражает взаимосвязь между человеческой природой, общественными структурами и культурными нормами, которые определяют поведение людей в обществе. Это свидетельствует о необходимости использования антропологического методологического инструментария для научного изучения преступной девиантности через призму ее биологических, социальных, культурных и социально-исторических детерминаций.

Антропологический подход в криминологии не сводится к установлению личности жертвы преступления, как это практикуется в различных видах криминалистических экспертиз, он предполагает рассмотрение феномена преступности в контексте широкого спектра социальных взаимодействий, связанных с нормами, ценностями, структурами и формами жизнедеятельности общества. Преступность может быть результатом как индивидуальных характеристик личности, так и влияния общественной среды, культуры и исторических условий.

Методологическое значение антропологического подхода раскрывается также в том, что он позволяет понять, какие факторы и механизмы влияют на возникновение преступных действий, как общество реагирует на преступность и каким образом преступность влияет на общество в целом. Изучение антропологических аспектов преступности помогает лучше выяснить ее природу, причины и последствия, а также разрабатывать эффективные стратегии предупреждения и борьбы с преступностью.

Таким образом, антропологический феномен преступности представляет собой сложное явление, которое требует комплексного анализа с учетом различных аспектов человеческой природы и общественных структур, взятых в их неразрывном единстве и взаимобусловленности.

Современная криминология, вооруженная антропологическими подходами к изучению феномена преступности, предполагающими выяснение взаимосвязи генетических, физиологических, психологических и социальных детерминант правовых девиаций, получает возможность играть все более важную роль в предотвращении преступности, выявлении ее причин и разработке эффективных методов борьбы с ней. Исследование преступности и эволюции форм ее проявления всегда выступает актуальной задачей правовой науки и является необходимым компонентом при формировании политики общественной безопасности и правосудия.

Список литературы

- Антонян, Ю. М. (2022). Преступность: понятие и типология. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, (6), 62–70. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_6_62
- Артамонов, В. А. (1990). Национальный характер и история. В *Стили мышления и поведения в истории мировой культуры* (с. 54–81). Московский государственный университет.
- Балахонский, В. В., Кудин, В. А., Олейников, В. С., & Джегутанов, Б. К. (2018). *Правосознание и его роль в жизни общества*. Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Беккария, Ч. (2016). *О преступлениях и наказаниях*. Инфра-М.
- Бердяев, Н. А. (2021). *Смысл истории*. Амрита.
- Гумилев, Л. Н. (2021). *Этногенез и биосфера земли*. АСТ.
- Дриль, Д. А. (2022). *Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею*. Инфра-М.
- Дюркгейм, Э. (1995). *Социология: Ее предмет, метод, предназначение*. Канон.
- Кондратюк, Л. В. (2001). *Антропология преступления: (Микрокриминология)*. НОРМА.
- Костомаров, Н. И. (2011). *Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях: очерк*. Нобель Пресс.
- Кузин, Н. Н. (2020). Философия права: специфика репрезентаций онтологических оснований и гносеологического статуса. *Инновации. Наука. Образование*, (22), 2017–2022.
- Латыпова, Э. Ю., Клейн, М. С., & Гильманов, Р. Э. (2024). Антропологические подходы к изучению преступности: история и современное состояние. *Oeconomia et Jus*, 1, 95–109. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-1-95-109>
- Лебон, Г. (2025). *Психология народов и масс*. Субъект.
- Лихачев, Д. С. (1990). О национальном характере русских. *Вопросы философии*, 4, 3–6.
- Ломброзо, Ч. (2023). *Преступление: Новейшие успехи науки о преступнике*. Анархисты (В. С. Овчинский, предисл.). ИНФРА-М.
- Ломброзо, Ч. (2023). *Человек преступный*. Родина.
- Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. АСТ : АСТ Москва : Хранитель.
- Миронов, Б. Н. (1984). *История и социология* (с. 122–131). Наука.
- Молчанова, М. В., Стремоухова, И. В., Плетнев, А. В., & Балахонский, В. В. (2022). Философия и социология права: вопросы предметной репрезентации и специфики понимания правовых явлений в системе социальных отношений. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 11(5-1), 157–164. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.72.65.019>
- Никодимов, И. Ю., & Бурмистров, И. А. (2024). *Неформальные отношения в системе криминогенной детерминации*. Дашков и К.

- Пегги, А., & Селин, Н. (2025). *Криминальная психология: Как эксперты составляют психологический портрет убийцы и находят неочевидные связи между уликами*. Эксмо: БОМБОРА.
- Пономарев, С. Б. (2022). Биологический фактор в этиологии преступного поведения. Трансформация научной парадигмы. *Научный вестник Омской академии МВД России*, 28(4), 290–297.
- Пристенский, В. Н., & Балахонский, В. В. (2006). Онтология права как его антропология. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4, 443–447.
- Решетников, Ф. М. (1965). *Современная американская криминология*. Юридическая литература.
- Шубин, А. (1992). *Гармония истории: Введение в теорию исторических аналогий* (с. 307–310). СП РИСО : Паломник.
- Balakhonskaya, L. V., Gustokashina, A. A., & Balakhonsky, V. V. (2022). 'Newstalgia' as digital marketing communication strategy. In *Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS 2022)* (pp. 134–141). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769130>
- Balakhonsky, V. V., Shipunova, O. D., Strelchenko, V. I., ... [et al.] (2020). Political consciousness formation in the modern global world. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9, 1116–1122. <https://doi.org/10.6000/1929-4409.2020.09.130>
- Bykov, I. A., Balakhonskaya, L. V., Gladchenko, I. A., & Balakhonsky, V. V. (2018). Verbal aggression as a communication strategy in digital society. In *Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS 2018)* (pp. 12–14). IEEE. <https://doi.org/10.1109/COMSDS.2018.8354954>
- Hirschi, T. (2002). *Causes of delinquency*. Transaction Publishers.
- Sutherland, E. H., & Cressey, D. R. (1960). *Principles of criminology*. Lippincott.

References

- Antonyan, Yu. M. (2022). Prestupnost': ponyatie i tipologiya. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, (6), 62–70. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_6_62
- Artamonov, V. A. (1990). Nacional'nyy harakter i istoriya. V *Stili myshleniya i povedeniya v istorii mirovoj kul'tury* (s. 54–81). Moskovskij gosudarstvennyj universitet.
- Balahonskij, V. V., Kudin, V. A., Olejnikov, V. S., & Dzhegutanov, B. K. (2018). *Pravosoznanie i ego rol' v zhizni obshchestva*. Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Bekkariya, Ch. (2016). *O prestupleniyah i nakazaniyah*. Infra-M.
- Berdyaev, N. A. (2021). *Smysl istorii*. Amrita.
- Gumilev, L. N. (2021). *Etnogenez i biosfera zemli*. AST.
- Dril', D. A. (2022). *Prestupnost' i prestupniki. Uchenie o prestupnosti i merah bor'by s neyu*. Infra-M.
- Dyurkgejm, E. (1995). *Sociologiya: Ee predmet, metod, prednaznachenie*. Kanon.
- Kondratyuk, L. V. (2001). *Antropologiya prestupleniya: (Mikrokriminologiya)*. NORMA.
- Kostomarov, N. I. (2011). *Domashnyaya zhizn' i nrayy velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyah: ocherk*. Nobel' Press.
- Kuzin, N. N. (2020). Filosofiya prava: specifika reprezentacij ontologicheskikh osnovanij i gnoseologicheskogo statusa. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie*, (22), 2017–2022.
- Latypova, E. Yu., Klejn, M. S., & Gil'manov, R. E. (2024). Antropologicheskie podhody k izucheniyu prestupnosti: istoriya i sovremennoe sostoyanie. *Oeconomia et Jus*, 1, 95–109. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-1-95-109>
- Lebon, G. (2025). *Psihologiya narodov i mass*. Sub"ekt.
- Lihachev, D. S. (1990). O nacional'nom haraktere russkih. *Voprosy filosofii*, 4, 3–6.

- Lombrozo, Ch. (2023). *Prestuplenie: Novejschie uspekhi nauki o prestupnike. Anarhisty* (V. S. Ovchinskij, predisl.). INFRA-M.
- Lombrozo, Ch. (2023). *Chelovek prestupnyj*. Rodina.
- Merton, R. (2006). *Social'naya teoriya i social'naya struktura*. AST : AST Moskva : Hranitel'.
- Mironov, B. N. (1984). *Istoriya i sociologiya* (s. 122–131). Nauka.
- Molchanova, M. V., Stremouhova, I. V., Pletnev, A. V., & Balakhonskij, V. V. (2022). Filosofiya i sociologiya prava: voprosy predmetnoj reprezentacii i specifiky ponimaniya pravovyh yavlenij v sisteme social'nyh otnoshenij. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 11(5-1), 157–164. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.72.65.019>
- Nikodimov, I. Yu., & Burmistrov, I. A. (2024). *Neformal'nye otnosheniya v sisteme kriminogennoj determinacii*. Dashkov i K.
- Peggi, A., & Selin, N. (2025). *Kriminal'naya psihologiya: Kak eksperty sostavlyayut psihologicheskij portret ubijcy i nahodyat neochevidnye svyazi mezhdul ulikami*. Eksmo : BOMBORA.
- Ponomaryov, S. B. (2022). Biologicheskij faktor v etiologii prestupnogo povedeniya. Transformaciya nauchnoj paradigmy. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*, 28(4), 290–297.
- Pristenskij, V. N., & Balakhonskij, V. V. (2006). Ontologiya prava kak ego antropologiya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4, 443–447.
- Reshetnikov, F. M. (1965). *Sovremennaya amerikanskaya kriminologiya*. Yuridicheskaya literatura.
- Shubin, A. (1992). *Garmoniya istorii: Vvedenie v teoriyu istoricheskikh analogij* (s. 307–310). SP PICO : Palomnik.
- Balakhonskaya, L. V., Gustokashina, A. A., & Balakhonsky, V. V. (2022). 'Newstalgia' as digital marketing communication strategy. In *Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS 2022)* (pp. 134–141). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769130>
- Balakhonsky, V. V., Shipunova, O. D., Strelchenko, V. I., ... [et al.] (2020). Political consciousness formation in the modern global world. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9, 1116–1122. <https://doi.org/10.6000/1929-4409.2020.09.130>
- Bykov, I. A., Balakhonskaya, L. V., Gladchenko, I. A., & Balakhonsky, V. V. (2018). Verbal aggression as a communication strategy in digital society. In *Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS 2018)* (pp. 12–14). IEEE. <https://doi.org/10.1109/COMSDS.2018.8354954>
- Hirschi, T. (2002). *Causes of delinquency*. Transaction Publishers.
- Sutherland, E. H., & Cressey, D. R. (1960). *Principles of criminology*. Lippincott.

Информация об авторе

Виталий Витальевич Балахонский – профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, профессор.

About the author

Vitaly V. Balakhonsky – Professor at the Department of Philosophy and Sociology at Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Philosophy), Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 14.06.2026

Одобрена после рецензирования 06.07.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted June 14, 2026

Approved after reviewing July 06, 2026

Accepted July 30, 2026